
НАВСТРЕЧУ 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Приближающаяся знаменательная годовщина не может не вызвать оживленных споров в российской и зарубежной печати о причинах и уроках Русской революции. В завершающем номере 2016 года мы публикуем две достаточно спорные статьи, которые могут послужить «затравкой» к будущей дискуссии.

А. П. НАЗАРЕТЯН

РУССКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕГАИСТОРИИ

Приход большевиков к власти в октябре – ноябре 1917 года стал ярким событием, сыгравшим весьма неоднозначную роль как в российской, так и в мировой истории. Автор обсуждает некоторые причины и последствия большевистской революции в их системных зависимостях, их роль в социально-политических перипетиях XX века, а также возможные перспективы цивилизации в условиях кризиса глобальной геополитической системы.

Ключевые слова: Мегаистория, война, революция, катастрофофилия, прогресс, техно-гуманитарный баланс.

Мы создали цивилизацию «Звездных войн» с инстинктами древнего каменного века, общественными институтами Средневековья и технологиями, достойными богов.

Э. Уилсон

Мегаистория (Универсальная, или Большая, история) – интегральная модель космофизической, геологической, биологической и социальной эволюции. В ее ракурсе антропосфера рассматрива-

Историческая психология и социология истории 2/2016 190–215

ется как планетарная система, которая развивалась по единым векторам (продолжившим векторы биологической, геологической и космофизической эволюции), притом что на протяжении тысячелетий наиболее значимые эволюционные события концентрировались в различных зонах географического и культурного пространства.

С XVII века фокус планетарной эволюции сместился в Европу, остававшуюся, по мнению многих историков (Мельянец 1996; Diamond 1999), культурной периферией Евразийского континента после краха Западной Римской империи. В беспрецедентном темпе развивались наука и техника, образование и медицина, социальная организация и гуманистические ценности, формировались нации и классы, а с ними новые противоречия и механизмы согласования. Все это стимулировалось идеей Прогресса (с отчетливо евроцентрическим уклоном) как восхождения к совершенному обществу, выстроенному волей и разумом человека.

В XX век Европа ворвалась на гребне оптимистических ожиданий. С увеличивающейся продолжительностью жизни, все более комфортной и безопасной, росло население (почти три столетия до 1930-х годов совокупное население Земли росло за счет европейцев и выходцев из Европы), параллельно возрастали доходы и банковские вклады. Научная картина мира – стройная, ясная и близкая к завершению – демонстрировала безграничную силу рационального ума...

Катастрофа второго десятилетия. Почему революция и почему Россия?

Чтобы создать таких бунтарей, вовсе не требуется коварной пропаганды; всюду, где развивается промышленность, возникает коммунистическое движение как порождение пороков того строя, который дает людям некоторое образование, а потом порабощает их. Марксисты появились бы все равно, даже если бы Маркс никогда не существовал.

Г. Уэллс

В 1909–1910 годах разошлась миллионными тиражами и была переведена на двадцать пять языков книга будущего лауреата Но-

белевской премии мира Н. Энджелла (2009). В ней было доказано, что войны в Европе отныне исключены, потому что экономически бессмысленны: при столь тесном переплетении национальных экономик разрушение одной из них автоматически повлечет разрушение всех остальных. Поскольку же к тому времени господствовало убеждение в обусловленности политических процессов вообще и войн в особенности экономическими факторами, постольку доказательства Энджелла звучали неопровержимо. Европейцы уверовали в то, что война и впредь останется чем-то вроде волнующе опасного сафари на далеких землях для их скучающих сограждан.

Действительно, после окончания чрезвычайно кровопролитной Тридцатилетней войны (1648 год) и установления Вестфальской политической системы европейские войны сделались беспримерно «гуманными», и число человеческих жертв не шло в сравнение ни с религиозными войнами Средневековья, ни с насилием в других частях света¹. А после франко-прусской войны 1870 года вооруженных конфликтов между европейскими государствами (внутри Европы) и вовсе не происходило, так что вывод о немыслимости таковых в будущем мало у кого вызывал сомнения...

Последующие события в очередной раз развенчали концепцию, восходящую к Н. Макиавелли, которая сводит политическую мотивацию к меркантильным интересам (см. об этом: Назаретян 2016). Жизнь европейцев на протяжении более двух с половиной веков оставалась относительно спокойной благодаря тому, что их военные технологии обеспечили достаточные возможности для переноса экспансионистских устремлений во внешний мир. Когда же географические ресурсы для внешней экспансии были исчерпаны (Земля оказалась не безразмерной!), агрессия европейцев переориентировалась внутрь континента.

Первое десятилетие XX века, политически спокойное, ознаменовалось извращенной «модой» на всяческие сумасбродства, вплоть до коллективных самоубийств, а такое состояние духовной культуры часто становится симптомом нарастающей тоски по острым эмоциональным переживаниям (Могильнер 1994; Рафа-

¹ Например, в войнах XIX века погибло 5,5 млн. европейских солдат (в том числе 100 тыс. – в колониях) (Урланис 1994), а только в одном Китае (опиумные войны, Тайпинское восстание), по оценке историков, погибли от 60 до 100 млн. человек (Wang Yumin 1993; Cao Shuji 2001).

люк 2012). С 1911 года в странах Европы усиливалась жажда то ли «маленькой победоносной войны», то ли «революционной бури» – специфическое общественное настроение, которое немецкий политолог П. Слотердейк (Sloterdijk 1983) обозначил как *массовый комплекс катастрофофилии*.

По свидетельствам современников, в августе 1914 года европейские столицы были охвачены праздничным настроением, и это наблюдение подтверждают фотографии восторженных толп на улицах. Немецкие интеллектуалы писали, что только теперь начинается настоящая жизнь вместо бессмысленного прозябания прежних десятилетий. Масса простых граждан и государственные деятели по обе стороны образующихся фронтов были уверены, что война окажется короткой и победной (Троцкий 2001). И только самые отчаянные из марксистов верили, что начинается долгожданная мировая война, предсказанная Ф. Энгельсом и должествующая перерасти во всемирную пролетарскую революцию.

Но, как отмечал в другом месте сам же Энгельс (1965: 396), результатом столкновения многих волей и стремлений в реальной истории всегда становится «нечто такое, чего никто не хотел». Разразилась страшная война, подобной которой европейцы не знали в предыдущие 266 лет и которая действительно завершилась революцией и жестокой гражданской войной, но только в одной стране.

Вера большевиков в то, что их почин будет подхвачен зарубежными пролетариями, воплотилась в названии нового государства (1922 год), исключая этническую идентификацию. Ожидалось, что страны Европы, Азии, а затем и других частей света, подавляя сопротивление эксплуататорских классов, станут интегрироваться в «единое человечье общежитье» (В. Маяковский). Позже было признано и возможное участие в этом прогрессивном процессе непобедимой Красной армии, что отразилось не только в политической публицистике, но и в художественных произведениях. Характерны строки известного поэта-романтика П. Когана (1940 год): «Но мы еще дойдем до Ганга, // Но мы еще умрем в боях, // Чтоб от Японии до Англии // Сияла Родина моя».

Ожидания большевиков, конечно, не были беспочвенными. Мировая война стала испытанным приемом, с помощью которого правители испокон веков снимают накопившееся внутреннее напряжение: этнографами показано, как первобытные вожди регулярно стравливают между собой племенную молодежь, обеспечивая тем самым сохранение своей власти (Савчук 2001). Но вой-

на, оказавшаяся намного длительнее и кровопролитнее, чем ожидалось, со своей стороны обострила недовольство. Г. Уэллс, посетивший Петроград и Москву в 1920 году, писал: «Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, – это то, к чему шла Англия в 1918 году, но в обостренном и завершенном виде... Западной Европе и сейчас еще угрожает подобная катастрофа» (Уэллс 1958: 33). Как отмечают специалисты по американской истории, в начале 1930-х годов коммунистическая революция реально угрожала и США (Уткин 2012). Добавим, что если коммунистические перевороты в Европе и Азии происходили при более или менее явном участии СССР, то в последующем в Латинской Америке сторонники «диктатуры пролетариата» дважды пришли к власти самостоятельно, на волне антиамериканских настроений: Куба (1959 год) и Чили (1970 год).

Вопрос о том, почему именно Россия оказалась «самым слабым звеном в цепи империалистических государств», обсуждался сотнями современников, последователей и оппонентов В. И. Ленина с самых разных позиций. Здесь выскажем ряд соображений, опираясь на новые системные концепции, которым до сих пор не уделялось достаточно внимания при анализе предпосылок и причин революции, равно как и ее неудач.

К 1914 году Россия превосходила остальные страны по динамике экономического и социального развития. Ежегодный рост национального валового продукта превысил 12 %, возрастала вертикальная мобильность. За счет сокращения детской смертности в пореформенный период (с 1861 года) население выросло на 60 млн., так что Россия сделалась самой молодой страной мира.

Сегодня известно, что такие великие достижения всегда и везде несли с собой серьезные политические угрозы. Ранее других это заметил историк и социолог А. де Токвиль еще в первой половине XIX века. Он обратил внимание на то, что накануне революции 1789 года французские крестьяне и ремесленники имели самый высокий в Европе уровень жизни, а первая в истории антиколониальная революция состоялась в самых богатых колониях мира – в Северной Америке. Токвиль сделал вывод, что вовсе не «обнищание» (как интуитивно представляется и как позже станет доказывать К. Маркс), а, напротив, растущее благосостояние становится предпосылкой революционных взрывов.

В 1960-х годах концепции Токвиля и Маркса были подвергнуты комплексной сравнительной верификации с учетом последующего исторического опыта, включая три русские революции начала XX века. Американский психолог Дж. Девис (Davies 1969) показал, что политическому взрыву обычно предшествует рост экономического благосостояния и/или улучшение в каких-либо иных сферах социальной жизни. Это вызывает опережающий рост потребностей и ожиданий, что часто сопровождается также чувством неудовлетворенности: через призму растущих ожиданий динамика ситуации воспринимается массовым сознанием искаженно – срабатывает парадоксальный эффект *ретроспективной аберрации* (Назаретян 2005). Рано или поздно рост сменяется относительным спадом, что в ряде случаев бывает связано с неудачными военными действиями. Спад на фоне ожиданий, продолжающих по инерции расти, провоцирует массовую фрустрацию, которая, как известно из психологических экспериментов, способна обернуться либо депрессией, либо вспышкой агрессии. Здесь уже вступает в силу так называемый *субъективный фактор*: агрессия может быть нацелена на иностранцев, иноверцев или на экономические и политические элиты. В последнем случае принято говорить о социальной революции.

Модель Девиса дополняют демографические наблюдения. Значительное сокращение детской смертности при сохранении традиционно высокой рождаемости (первая фаза демографического перехода) существенно увеличивает долю молодого населения, а это также чревато социальными потрясениями (Goldstone 2002; Коротаев, Зинькина 2011). Молодежная энергия в сочетании с дефицитом свободной земли, интенсивная урбанизация и нехватка рабочих мест в городах – все это усиливает напряженность в обществе и требует выхода накапливающейся агрессии. Здесь, опять-таки, вопрос в том, на какой социальный объект агрессия будет выплеснута...

Обе обозначенные предпосылки сложились в начале XX века во всей Европе, но в России они были выражены наиболее отчетливо. В частности, расширяющиеся каналы урбанизации, образовательного и карьерного роста для незначительной молодежи стимулировали усиление амбиций, превышающих ресурсы все еще консервативной социальной системы – и революционные организации умело рекрутировали энергичных активистов с неудовлетворенным честолюбием. Вместе с тем в течение трех предыдущих

десятилетий левые террористы регулярно отстреливали наиболее успешных государственных деятелей, ухудшая качество управляющей элиты, да и кадровая политика двух последних монархов не способствовала привлечению и удержанию у власти творческих личностей.

Если в 1914 году правительству удалось переключить бунтарские настроения на военный энтузиазм, то к началу 1917 года раздражение в разных слоях общества неудачами на фронте сосредоточилось на императорской власти. А в октябре – ноябре власть вооруженным путем захватили большевики, уверенные в том, что разжигают «всемирный пожар». Ожидание скорого продолжения всемирной пролетарской революции сопровождало последующую коммунистическую эпопею в России и за рубежом.

Здесь стоит обратить внимание на еще одну – философскую – предпосылку того, что коммунистическая идеология рождала наиболее мощный мотивационный импульс именно у российских революционеров.

Идеологи прогресса (Ф. Бэкон, Ж. де Кондорсе и др.) всегда скрепя сердце признавали предельность развития, обусловленную конечной перспективой существования Земли и прочими естественными причинами. Это существенно обесценивало оптимистический образ светлого будущего как временного состояния. Формулировка законов диалектики усилила убежденность в том, что с разрешением всех социальных противоречий наступает «конец истории», о чем откровенно писал Г. В. Ф. Гегель. К. Маркс, решительно отвергая такой вывод, прибег к риторической уловке: мы пока живем лишь в *предыстории* (*die Vorgeschichte*), а подлинная история человечества начнется с победой Коммунизма, хотя и она когда-нибудь (по Энгельсу – через сотни миллионов лет, с исчерпанием энергии Солнца) перейдет в «нисходящую ветвь».

Но «история» без диалектических противоречий не монтировалась с внутренней логикой концепции. К. Маркс и Ф. Энгельс, как и подавляющее большинство их современников, были уверены в том, что наука XIX века близка к исчерпывающему знанию «законов природы», а потому все возможные технические изобретения уже реализованы. Образ бессобытийного будущего оставался болевой точкой марксистской философии истории, снижая ее концептуальную привлекательность и эмоциональное обаяние.

Между тем в России набрала силу далекая от жизни, наивная, но волнующая *космическая философия*. Плеяда чудаковатых фантазеров, игнорируя установки естествознания XIX – начала XX века, постулировала техническую возможность выхода человечества за пределы родной планеты. Безудержная вера в неограниченные возможности науки и рационального ума была созвучна оптимистической установке Нового времени, но снимала с нее оковы европейской респектабельности. Так неожиданно был брошен спасательный круг прогрессистскому мировоззрению вообще и марксизму в частности: с победой Коммунизма «борьба противоположностей» выйдет на качественно новый уровень, продолжившись завоеванием космического пространства! Революционная утопия, раскрашенная новыми красками, сделалась еще более притягательной. Годы спустя космическая амбиция органично встроилась и в идеологическую борьбу, и в гонку вооружений, сделал СССР пионером в освоении космоса.

Хотя приверженность большевиков полумистическому космизму публично не декларировалась, известно, что у них пользовалась популярностью «Философия общего дела» Н. Федорова (1982), обещавшая не только вечный прогресс и индивидуальное бессмертие, но и реанимацию (средствами развивающейся науки) всех когда-либо живших на Земле людей. После чего, по мысли автора, места на планете станут недоставать и человечество начнет заселять все новые космические тела.

Влияние космической философии на умы большевиков наглядно демонстрирует история создания Мавзолея В. И. Ленина, прослеженная американским советологом (О'Коннор 1993) по архивным материалам. Эта идея, возникшая сразу после смерти вождя в январе 1924 года, вызвала резкие возражения ряда авторитетных лидеров (Л. Д. Троцкого, К. Е. Ворошилова и др.). Но ее энтузиаст Л. Б. Красин использовал сильный аргумент: скоро ученые смогут реанимировать мертвых, и первым должен воскреснуть наш Владимир Ильич.

Позже образ бессмертного Ленина обрел аллегорическую форму, но вера в то, что наука упразднит физическую смерть, многими большевиками принималась буквально. Во всяком случае, импульс космической философии также стоит учитывать при выяснении того, почему Россия, а не страна Западной Европы стала пространством воплощения марксистской программы...

Глядя из будущего, мы легко поддаемся соблазну квалифицировать любое нереализовавшееся ожидание как свидетельство недомыслия. Поэтому стоит повторить, что надежда русских революционеров на скорое распространение пролетарских восстаний в Западной Европе, Азии и Америке имела основания. Но российский опыт, отрезвив правящий класс Запада, помог ограничить такие сценарии. Для этого был апробирован широкий спектр приемов – от жесточайших диктатур до тонких технологий согласования интересов.

Блеск и нищета пролетарской революции

Быть может, капиталистическому строю везде пришлось бы плохо, если бы революционеры ненавидели «буржуазию» так, как они ненавидят друг друга.

М. Алданов

Бесспорно, захват власти большевиками, Гражданская война, насильственный слом традиционных структур – все это стало катастрофой для большинства народов, населявших Российскую империю. Что же касается всемирно-исторической роли этих событий, о ней писали преимущественно в русле коммунистической идеологии. С конца 1980-х годов данная тема ушла в тень: мейнстримом отечественных публикаций сделались сначала «либеральное» шельмование всего, что когда-либо происходило в России, а затем «патриотическое» возвеличение всякой российской, а также и советской традиции (с анекдотической мешаниной коммунизма и православия). Вероятно, сотня лет – достаточный срок для того, чтобы попытаться *sine ira et studio* оценить последствия столь неоднозначного события.

Сегодня редко кто помнит, что многими давно привычными привилегиями, которые воспринимаются гражданами цивилизованных стран как само собой разумеющиеся, мир обязан триумфу русских большевиков. Нормированная рабочая неделя, гарантированный оплачиваемый отпуск, бюллетени по болезни и пенсии по старости – за такие требования нанятые предпринимателями бандиты отстреливали профсоюзных активистов. Всеобщее избирательное право, появившееся в Новой Зеландии (1893 год), только еще пробивало себе дорогу в Европе и Америке. Например,

в Великобритании к 1917 году право голоса имели даже не все взрослые мужчины, а женщины впервые пришли к избирательным урнам в 1928 году; в Швейцарии – только в 1971 году.

Большевики, захватив власть, воплотили на государственном уровне едва ли не все чаяния левых профсоюзов и политических движений, вплоть до сексуальных свобод. В частности, один из первых декретов советской власти в ноябре 1917 года запретил дискриминацию гомосексуалистов.

Далее, правда, с победившими революционерами быстро произошли те же метаморфозы, какие происходят с их «коллегами» практически всегда и везде. В авторитарном мышлении малые различия вызывают более сильное неприятие, чем различия существенные, так что недавние союзники принялись охотиться друг на друга, возводя любое частное разногласие в идеологическую конфронтацию и тем самым рационализируя бескомпромиссную борьбу за личную власть. По доброй старой традиции, «революция пожирала своих детей», вольница первых лет деградировала в репрессивное государство, а многие декреты и установки, носившие декларативный характер, постепенно превращались в зловещую карикатуру. Это касается и земельной собственности, и равноправия граждан, и даже сексуальных свобод, включая тот же «гомофильный» декрет².

Но за пределами Советской России революция вызвала потрясение, обнадежившее одних и отрезвившее других. Элиты буржуазного общества, увидев опасную перспективу, стали решительно менять стратегию и тактику.

Самые очевидные альтернативы пролетарской революции оказывались тупиковыми: ужесточение репрессий, перенацеливание агрессии с классовых на национальные противоречия и образование режимов фашистского толка. Более эффективными стали психологические, политические и экономические приемы, направленные на компромисс и размывание классовой структуры.

² В 1934 году И. В. Сталин волевым решением ввел в Уголовный кодекс статью о гомосексуализме. После крайне напряженного XVII съезда ВКП(б) советскому лидеру потребовался дополнительный рычаг для борьбы со старыми большевиками, среди которых было немало людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Новая уголовная статья была по преимуществу рассчитана на шантаж: за 17 лет после революции общественные настроения существенно изменились, и жертвы репрессий предпочитали признаваться в «шпионаже» и в «антипартийных заговорах», чем быть осужденными за «сексуальные извращения». Между тем в странах Западной Европы сотни тысяч людей публично судили за гомосексуализм до конца 1960-х годов.

В 1920-х годах на фабрике «Вестерн электрикс» американского города Хоторн была проведена серия экспериментов с довольно неожиданными результатами. Выяснилось, что социально-психологический климат, настроение и интерес к работе сильнее, чем технические условия, влияют на производительность труда. Это открытие положило начало многогранным перестройкам в организации капиталистических предприятий, направленным на формирование системы «человеческих отношений» (*Human Relations, HR*). Она предполагает демократический стиль руководства предприятиями, привлечение психологов для оптимизации контактов между хозяевами, администраторами различных уровней и низовыми работниками, иногда продажу рабочим акций и прочие средства повышения трудовой мотивации по сравнению с господствовавшей прежде «потогонной» системой тейлоровского типа.

Скоро обнаружился еще более существенный эффект – политический. При последовательном воплощении в жизнь *HR* в общественном сознании смазывалась марксистская картина классового антагонизма, непримиримого противоречия между трудом и капиталом, выбивая почву из-под левых профсоюзов и партий. Этот эффект дополнился отработкой психологами все более хитроумных приемов рекламы. Стимуляция потребления помогла существенно увеличить вместимость рынка, смягчая кризисы перепроизводства и вместе с тем формируя «консумптное» мировосприятие, невосприимчивое к философии классовой борьбы. Опросы 1960-х годов показывали, что в странах Европы от одной до двух третей работников, которых, по марксистской версии, следовало относить к пролетариату, сами себя идентифицировали как средний класс. С развитием же информационных технологий «белые воротнички», причисляемые марксистскими социологами к пролетариям (из-за отсутствия у них частной собственности), посмеивались над такими определениями.

Несмотря на все ухищрения левых идеологов, становилось очевидным, что предсказанных Марксом пролетаризации, относительного и абсолютного обнищания масс удалось избежать. Капиталистический мир менял конфигурацию, ассимилируя многие достижения социализма, в то время как общества «победившего пролетариата», выродившись в тоталитарные режимы с командной экономикой, все более консервировались...

Имеются достаточные основания полагать, что прогрессивные трансформации в капиталистическом обществе – следствие шока,

пережитого буржуазией от пролетарской революции в России. Но она дала импульс не только социальным, экономическим и политическим преобразованиям в мире. Начавшееся «соревнование социально-экономических систем» интенсифицировало развитие науки и техники как в самой России (СССР), так и далеко за ее пределами.

Здесь мы подходим к еще одному глобальному последствию Русской революции, которое по своему значению превосходит все прочие, поскольку касается уже не перипетий социального бытия, а судеб планетарной цивилизации.

Вторая мировая война в хитросплетении непредсказуемых политических коалиций завершилась разгромом фашизма. И почти без предисловий переросла в следующую войну, которая, с легкой руки журналистов, а затем политиков и историков, названа *холодной*, хотя на ее фронтах погибли до 25 млн. человек (не считая жертв политических репрессий с обеих сторон). Фултонская речь У. Черчилля, считающаяся косвенным объявлением войны, прозвучала в марте 1946 года, но рассекреченные архивы свидетельствуют о том, что уже в декабре 1945-го на карте Генштаба США указаны двадцать советских городов в качестве планируемых объектов атомной бомбардировки. К концу 1949 года (план «Дропшот») число таких точек на территории СССР возросло до трехсот (Феклисов 2016).

После победы над фашизмом международный авторитет Советского государства достиг небывалого уровня, его экономические успехи, последовавшие за восстановлением хозяйства (и, вероятно, преувеличенные интенсивной пропагандой), казались неудержимыми, а перспективу распространения коммунистической идеологии нехотя признавали и самые активные недоброжелатели. В обстановке глобальной конкуренции сверхдержав с амбициозными планами мирового доминирования был велик соблазн прибегнуть к самому разрушительному оружию. В процессе суда над супругами Ю. и Э. Розенберг – американцами, якобы передавшими СССР атомные секреты (1952 год), – прокурор поставил им в вину гибель американских солдат в Корее. Власти США не скрывали, что были готовы нанести ядерный удар, если бы не опасались адекватного ответа. А в 1964 году кандидат в президенты США Б. Голдуотер заявил: «Мы скорее погубим человечество, чем отдадим его в руки коммунистов». Еще в начале 1970-х годов американские дипломаты неформально добивались согласия на

применение тактического ядерного оружия во Вьетнаме, но столкнулись с жестким отпором советского руководства.

Только оперативное обеспечение и длительное поддержание ядерного паритета позволило добиться того, что после Хиросимы и Нагасаки атомное оружие ни разу не было применено на людях, и предотвратить перерастание холодной войны в фазу самоубийственного тотального конфликта. А в 1963 году в Москве был подписан *Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, аквасфере и космосе*, и даже те атомные державы, что отказались его подписать (Франция и Китай), были вынуждены постепенно свернуть такую практику. В исторической памяти значение этого эпохального события недооценивается, хотя экологи позже рассчитали, что если бы отравление среды продолжалось прежними темпами, то к 1990-м годам жизнь на Земле сделалась бы невыносимой (Ефремов 2004).

Как бы мы ни относились к коммунистическому режиму и к порокам советской власти, нельзя игнорировать ключевую роль СССР в том, что XX век состоялся и благополучно завершился: в 1950–1960-х годах многие не верили в такую перспективу. Равно как и того факта, что при активном участии коммунистов люди едва ли не впервые в политической истории научились формировать глобальные коалиции, *не нацеленные против третьих сил*.

Но по мере того как в западном обществе происходили прогрессивные изменения, идеология классового антагонизма и мировой пролетарской революции теряла былую привлекательность, а ее главный адресат – промышленный пролетариат – растворялся в новых структурах «информационного» общества. Одновременно достоянием гласности становились гримасы практического воплощения гуманистической идеи народовластия, а конфликты внутри международного революционного движения, невольно воспроизводя послереволюционную практику, до боли напоминали обычную борьбу религиозных сект.

Вместе с тем обнаружилось, что экономика, ориентированная на идеал имущественного равенства, лишена внутренних рычагов трудовой мотивации и держится на двух привходящих факторах: мобилизационном энтузиазме и страхе наказания. Такая экономическая система эффективна в обстановке реальной или потенциальной войны, а при недостаточном внешнем напряжении неизбежно ослабевает. Поэтому, кстати, она не могла бы распространиться «на весь мир» – без внешнего врага терялся импульс эко-

номической активности. По той же причине коммунисты категорически отвергали теорию конвергенции экономических систем, предложенную в 1950–1960-х годах авторитетными зарубежными социологами (П. Сорокин, У. Ростоу и др.).

Добавим, что и в лучшие свои времена социалистическая экономика обеспечивала количественный рост, но испытывала серьезные затруднения при решении задач качественного совершенствования производства, поскольку востребовала стандартные методы работы, будучи слабовосприимчивой к качественным инновациям³. В условиях научно-технической и информационной революции командная организация производства пробуксовывала и, вопреки ожиданию коммунистических теоретиков, «мирное соревнование систем» оборачивалось безнадежным отставанием. Открытие новых богатых месторождений нефти, давшее было повод для больших надежд, в условиях консервативной экономики обернулось растущей зависимостью от сырьевого экспорта, а значит, и от международных цен на сырье, которыми политические противники научились манипулировать.

Негативную роль в судьбе СССР играла также неравномерная демографическая динамика, обусловленная тем, что страну как бы разделили две фазы *демографического перехода*. В то время как в регионах с преимущественно славянским населением сокращение детской смертности уже повлекло за собой радикальное сокращение рождаемости, в регионах с преимущественно мусульманским населением при тех же условиях рождаемость оставалась по-прежнему высокой и население многократно возросло. Если в 1920-х годах представители русского этноса составляли подавляющее большинство населения СССР, то по переписи 1989 года – чуть более половины, и их доля продолжала сокращаться.

Между тем влияние коммунистической идеологии среди нерусских (не только традиционно мусульманских) этнических групп проявлялось значительно слабее, его вытесняли националистические и/или религиозные настроения. Декларации московских

³ Здесь срабатывает подробно изученный в психологии *закон оптимума мотивации* (закон Йеркса – Додсона). Эффективность простой деятельности прямо пропорциональна силе мотивации, но при сложной деятельности эта зависимость сложнее: с превышением мотивационного оптимума эффективность снижается. Поэтому всемерно культивировавшийся образ «трудовых фронтов» в новых условиях становился контрпродуктивным. А к 1970-м годам он превратился в пустое клише, все слабее вдохновлявшее на «трудовые подвиги».

теоретиков о том, что в СССР «образовалась социально-историческая общность нового типа – советский народ», оставались достоянием пропаганды, которая становилась все более беспомощной.

Стоит также отметить, что без демократических процедур отбор и подготовка руководящих кадров с юных лет осуществлялись по принципу конформности, т. е. по умению своевременно угадать желание начальства. Творческие способности не были востребованы, а личности с независимым мышлением отсеивались сначала как «враги народа», позже – как «диссиденты»; в лучшем случае они избегали политической активности. В результате же качество властных элит последовательно снижалось, и творчески отвечать на вызовы времени становилось некому.

Провальная Афганская война, воплотившая в жизнь вождьленную мечту американской элиты о «советском Вьетнаме», стала решающим испытанием для внешне несокрушимого, но внутренне порядком расшатанного государства. Одряхлевшие, закосневшие во власти и потерявшие связь с действительностью руководители КПСС не оценили произошедших за истекшие десятилетия изменений, прямолинейно перенесли опыт войны со среднеазиатскими басмачами 1920–1930-х годов на реалии конца 1970-х и поддались на искусно организованные провокации со стороны политических противников. Предполагаемая быстротечная операция, нацеленная в частности на приобретение боевого опыта «засидевшейся в казармах» армией (таков был аргумент министра обороны Д. Н. Устинова в пользу ввода войск в Афганистан), затянулась на девять с половиной лет. Война наглядно продемонстрировала ослабление мотивационного потенциала коммунистической идеологии и усиление новой пассионарной идеологии – исламизма.

После трех подряд (за два с половиной года!) кончин Генеральных секретарей ЦК КПСС в марте 1985 года на внеочередном заседании Политбюро с преимуществом в один голос новым лидером партии и страны был избран М. С. Горбачев, а в апреле объявлена политика перестройки. Предполагалось внедрить в закосневшую командную экономику, испытывавшую большие затруднения из-за сократившихся доходов от торговли нефтью, элементы рыночных отношений и таким образом вывести ее из кризиса, раскрепостив предпринимательскую инициативу граждан. Для этого решили параллельно ослабить информационную

диктатуру, становившуюся проблематичной с развитием новейших средств связи, и всю вертикаль политической власти.

А далее сработал психологический эффект, о котором еще до перестройки безуспешно предупреждали специалисты по коммуникационным технологиям (сами не ожидавшие, что он так скоро примет общенациональный масштаб). Массы советских людей, воспитанные в монологической системе пропаганды, попали в быстро набирающий силу поток альтернативной информации, обрушивший привычные психологические барьеры. Характерная особенность стереотипного мышления состоит в том, что стереотипы, составляющие ядро картины мира, в диссонирующем информационном потоке не разрушаются, а *переворачиваются*. Иначе говоря, предмет видится по-прежнему одномерно, но эмоциональная окраска образа меняет знак (Назаретян 1986; 2005; Петренко, Митина 1997).

Так эйфория первых двух лет перестройки сменилась усиливающимися симптомами разрушения тоталитарной системы, а с ней и государства. В считанные годы многолетняя идеологическая накачка обернулась столь же примитивной картиной, изоморфной образам «светлого коммунистического завтра» и «последнего решительного боя»: в СССР все плохо и непоправимо, а на Западе сложилось идеальное общество, в которое попадем и мы, скинув решающим усилием диктатуру коммунистов. Неуклюжие попытки консерваторов повернуть процесс вспять, вплоть до провалившегося военного путча в августе 1991 года, только форсировали саморазрушение страны. В декабре того же года холодная война завершилась крахом Советского Союза...

А если бы?..

История – самая сослагательная
из всех наук.

Я. Освитленный

Следует отметить, что пришедший к власти М. С. Горбачев пытался осуществить реформы, подобные тем, которые в 1970-х годах провело в Китае правительство Дэн Сяопина, а еще раньше замыслил Л. П. Берия, хотя адепты перестройки, по понятным причинам, ссылались на ленинскую новую экономическую политику (нэп). Но Ленин в 1921 году рассматривал нэп как временный компромисс с буржуазией для спасения экономически зады-

хающегося государства диктатуры пролетариата, к тому же скоро он был вынужден отойти от дел из-за тяжелой болезни. А Берия, планировавший экономическую и политическую либерализацию, в 1953 году потерпел поражение, был развенчан как «английский шпион» и расстрелян. Попытка перевести экономику на рыночные рельсы поколением позже имела мало шансов на успех. «Кулаки» и прочие предприниматели, помнившие нормальную практику частной собственности, уже умерли или безнадежно постарели, а частное предпринимательство, успевшее подпольно утвердиться при советском режиме, было выстроено по сугубо криминальным схемам. Наконец, политические и идеологические рычаги к 1980-м годам ослабли настолько, что властные структуры в экономике оказались неконкурентоспособными...

В современной эволюционной теории ключевой фигурой стало сослагательное наклонение, без которого любые концептуальные модели остаются описательными. В данной связи напрашивается ряд интереснейших вопросов. Как развивались бы события в стране и в мире, если бы в 1985 году победили соперники Горбачева – сторонники ужесточения внутренней и внешней политики? Если бы в 1953 году верх одержал Берия? Если бы пролетарская революция случилась не в России, а, например, в Германии?

Такого рода «исторические случайности» представляют богатый материал для ретропрогнозирования как метода, помогающего выявить причинные зависимости социального развития. Альтернативные модели прошлого составляют перспективу исторической науки, но они требуют столь мощного информационного аппарата и столь глубокой междисциплинарной кооперации, что об этом пока остается только мечтать.

И все же вопрос, почему очередная версия всеобщего равенства и братства осталась достоянием истории, не перестает волновать обществоведов. Чем был обусловлен крах марксистской программы: незрелостью «русского крестьянского менталитета» или коренными пороками утопии⁴? Дополнительные штрихи в давнюю дискуссию вносят новые системные модели.

⁴ Стоит отметить, что полутора столетиями ранее довольно успешная попытка воплотить в жизнь «Город Солнца» по проекту Т. Кампанеллы была предпринята отцами-иезуитами в Южной Америке (Каспэ 1994). Правда, индейцы, ставшие гражданами коммунистического государства, были недавними охотниками-собирателями, носителями первобытного сознания. Они не имели опыта товарно-денежных отношений, не ведали накопительской психологии и привычно предпочитали коллективные действия индивиду-

Социологические исследования (Э. Дюркгейм, В. Парето) обнаружили, что индивидуальный выбор поведения и даже личностные качества людей в значительной мере заданы конфигурацией системных ниш, многие из которых воспроизводятся при всех перестройках социальной системы. К числу инвариантов относятся иерархическая структура, неравномерное распределение властных функций, доходов и благ, что демонстрируют также остроумно проведенные эксперименты с популяциями животных (Helder *et al.* 1995). Система востребует и различные варианты девиантного мышления и поведения, вплоть до психических отклонений (Молчанова, Добряков 2008).

Кроме того, до формирования кибернетической теории систем ни в науке, ни в европейской философии не выделялась в качестве самостоятельного предмета категория *разнообразия*. Размышления китайских философов на эту тему были в Европе малоизвестны, а для классиков коммунистической теории – от Т. Мора и Т. Кампанеллы до К. Маркса и В. И. Ленина – характерно смешение *равенства* и *тождества*. Упреки в том, что в восторженных романах утопистов о будущем все персонажи «на одно лицо», вызвали всплески эмоциональной, но бессодержательной риторики. Маркс с Энгельсом романов не писали, но в их прогнозах предполагалось, например, что при коммунизме будут устранены не только имущественные, классовые, гендерные или родовые, но и профессиональные различия: каждый станет «гармонически развитой личностью».

Такая мечта была созвучна эпохе предельной специализации и дегуманизации труда, превратившей работника в бессловесный придаток к конвейеру, когда ожидалось (и в этом трудно было возразить Марксу), что участь угнетенных пролетариев ожидает подавляющее большинство граждан капиталистического общества. Поскольку же промышленное производство сводилось к набору все более простых операций, логично звучал вывод о том, что проблема «профессионального кретинизма» будет снята регулярным чередованием деятельностей. Кажется, никто тогда не обратил внимания на то, что личность при такой идиллии становится тотально заменимой в каждой своей функции и не защи-

альным. Поэтому образование квазигосударства с «тоталитарной» структурой, изолированного от внешнего мира, гармонировало с их мировосприятием и спасло жизни сотням тысяч туземцев.

щенной от коллективного прессинга ни имуществом, ни профессией, ни семьей. Здесь уже образ «светлого коммунистического завтра» резонировал скорее с умонастроением крестьянской общины; это также могло сыграть роль в том, что, вопреки ожиданиям классиков марксизма, образ прижился не в «передовой» Германии, а в «отсталой» России.

Мир без СССР

Ленинизм, воплощенный большевиками, был трагедией, а современная американская практика превратила его в фарс. Наступление агрессивного неоконсерватизма... становится невыносимым.

Ф. Фукуяма

В наш мир пришла сама метафизика войны, она разливается буквально по всему спектру материального и нематериального мира. Именно эта метафизика кристаллизует коллективное сознание, мобилизует групповые и персональные инстинкты.

М. Кочубей

Крах СССР стал катастрофой глобального масштаба, но многие и внутри умирающего Союза, и на постсоветском пространстве, и далеко за его пределами верили, что окончание холодной войны надолго, если не навсегда, избавит человечество от новых войн. Эта вера оформилась статьей гегельянца Ф. Фукуямы о «конце истории» (Фукуяма 1990), которая быстро стала международным бестселлером. Конгресс США сокращал финансирование Пентагона и ЦРУ, выглядевших уже отживающими свой век институтами, – и через четыре года мир ошеломил новый бестселлер. В статье С. Хантингтона (1994) утверждалось, что с падением коммунистических режимов политическая обстановка только ухудшается. С коммунистами легче было найти взаимопонимание, поскольку это наследники европейской традиции и во многом близких Западу ценностей. Теперь же мир делится по религиозному признаку на семь или восемь региональных «цивилизаций», перманентно воюющих между собой, так что надо не снижать, а наращивать боеготовность.

К сожалению, с устранением одной из двух сверхдержав мир действительно стал менее устойчивым и более опасным, но мы прослеживаем здесь несколько иные причинные связи. Глобальная геополитическая система, достигшая относительной устойчивости к 1980-м годам, была разрушена, но двухполюсная ментальная матрица «они – мы» оказалась более устойчивой, чем многие ожидали. На одном полюсе эйфория победы в холодной войне вызвала всплеск экспансионистских амбиций; другой полюс, опустевший с уходом СССР, стал заполняться экстремистскими группировками, которые прежде натаскивались противостоящими блоками в пику друг другу, а теперь, став ненужными прежним хозяевам, «одичали»⁵. Образовавшаяся *патология полюсов* радикально снизила качество политического мышления: будто гроссмейстеры 1960–1980-х годов уступили место шахматистам низшего разряда, не умеющим просчитывать события на доске далее одного хода.

То, что Хантингтон обозначил как «столкновение цивилизаций», по нашим наблюдениям, оказывается *столкновением исторических эпох*. Происходит оно не по границам, а внутри стран или регионов, и прошлое все чаще берет реванш. Дело не в интенсификации миграционных потоков, которая сама часто становится следствием недальновидной политики. Вот типичное наблюдение американского аналитика: «Национальное унижение от запуска советского спутника побудило правительство США активно поощрять науку и образование, чтобы “не отстать от Советов”. По окончании же холодной войны публике вновь навязывается идеология религиозного фундаментализма и креационизма» (MirkoVIC 2015: 196). Интерес государства и широкой публики к науке резко снизился. Началась реанимация религиозных настроений, охвативших как широкую публику, так и профессиональных политиков: по данным Института Гэллапа, 70 % республиканцев верят, что Бог создал мир за шесть дней. Фиксируется регресс настроений к ситуации 1920-х годов, когда в ряде штатов преподавание теории эволюции было приравнено к уголовному преступлению («Обезьяний процесс» и т. д.) (Харрис 2012; MirkoVIC 2015).

⁵ Такая ситуация хорошо знакома экологам: например, с отстрелом волков их нишу занимают одичавшие псы, которые оказываются гораздо опаснее и для человека, и для экосистемы.

В Западной Европе иммиграции, интенсифицированные бездумным разрушением авторитарных режимов в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке («арабская весна»), в свою очередь, реанимируют расистские установки. Если не будут найдены нетривиальные решения, то в обозримом будущем либо произойдет откат к 1920–1930-м годам, либо Европа будет захлестнута волной Средневековья.

Нетривиальные решения могли бы прийти с востока, но и Россия демонстрирует все более отчетливые признаки отката в православие, а также тоски по внутренне сплывающему образу общего врага. Регионы Ближнего и Среднего Востока стали обильным резервуаром ретроградных идеологий. Возможно, оплотом светского мировоззрения остаются пока некоторые страны Дальнего Востока, но этот вопрос требует более детального обсуждения.

Об опасно снизившемся качестве мышления ведущих западных политиков автор этих строк писал в американской печати сразу после югославской и иракской авантюры НАТО (Nazaretyan 2003). Еще раньше американская исследовательница С. Маттерн, специалист по истории Древнего Рима, провела красноречивую параллель между поведением на международной арене новых американских политиков и их античных коллег накануне краха Западной Римской империи (Mattern 1999).

Наивно было бы ждать, что академические публикации кого-либо отрезвят, с тех пор бездумные авантюры следуют нескончаемой чередой. Они раз за разом оборачиваются эффектами бумеранга для инициаторов и при этом расшатывают глобальную геополитическую систему, превращая международное право в ностальгическое воспоминание. Реально политика вырождается в игру сиюминутных амбиций, личных и корпоративных, маскируемых под «национальные интересы». При этом идеологии, будоражившие XX век, утратили былую пассионарность, и даже самая устойчивая из них – рыночный либерализм, – оторванная от протестантского фундамента, уже не обеспечивает стратегических смыслов. В условиях смыслового дефицита становятся востребованными средневековые идеологии, а самый простой и архаичный механизм выстраивания смысловых координат – поиск общих врагов – побуждает творить все новых демонов. Эпидемия *катастрофологии*, поразившая Европу во втором десятилетии XX ве-

ка, вновь свирепствует спустя сотню лет, но с поправкой на новейшие технологии: на сей раз она приняла глобальный масштаб⁶.

Глобальное будущее: бифуркация XXI века

Поколение живущих сегодня людей можно смело считать самым значительным из всех, что когда-либо жили на нашей планете. Именно они должны определить, достигнет ли человечество этой великой цели или будет ввергнуто в пучину хаоса.

Митио Каку

Независимые расчеты, проведенные учеными разных стран и специальностей, привели к выводу, что наступивший век, по всей вероятности, ознаменуется переломом такого масштаба и значения, подобного которому до сих пор не происходило ни в истории человечества, ни в истории живой природы (Snooks 1996; Панов 2005; Kurzweil 2005). Либо планетарная фаза эволюции сменится космической, либо начнется ее «нисходящая фаза» с перспективой быстрой деградации общества и природы.

Новейшие исследования в области астрофизики и космологии (Rees 1997; Дойч 2001; Дэвис 2011; Smolin 2014 и др.) показывают, что диапазон целенаправленного управления масс-энергетическими процессами принципиально не ограничен; соответственно распространение разумного влияния на космическое пространство не имеет потенциальных ограничений. К сожалению, психологи и антропологи, со своей стороны, не готовы так же уверенно оценить диапазон разумного контроля над собственными агрессивными импульсами. До сих пор человечеству удавалось совершенствовать культурно-психологические регуляторы (ценности, нормы социоприродных и внутрисоциальных отношений) в соответствии с растущим технологическим могуществом. Но это достигалось ценой драматического отбора жизнеспособных социальных систем: на протяжении тысячелетий общества, не умевшие своевременно компенсировать возросшую мощь производственных

⁶ Самое яркое событие в политической жизни 2016 года – выборы в США и неожиданная для многих победа Д. Трампа – может временно переориентировать внимание американской элиты на внутренние разборки. Это способствовало бы некоторому спаду международной напряженности и при умелом использовании момента российским правительством могло бы восстановить устойчивость глобальной геополитической системы.

и боевых технологий, последовательно выбраковывались из исторического процесса, подрывая природные и(или) геополитические основы своего существования. Системная зависимость между инструментальным потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью общества подробно исследована и представлена *моделью техно-гуманитарного баланса*.

В соответствии с этой моделью выход земной цивилизации на тот или иной аттрактор может решающим образом зависеть от того, насколько культурно-психологические регуляторы человеческих отношений будут поспевать за интенсивно ускоряющимся развитием новейших технологий. Сценарий сохранения предполагает сетевую организацию мирового сообщества и формирование планетарного сознания, свободного от макрогрупповой (этнической, сословной, конфессиональной и т. д.) доминанты, развитие космополитической солидарности и стратегических смыслов, не требующих деления на «своих» и «чужих».

В книге «Нелинейное будущее...» (Назаретян 2017) прослежена история становления неконфронтационного сознания за последние 2,5 тысячи лет. Показано также, что современная междисциплинарная картина мира, в отличие от классического естествознания, безразлична к проблематике целей, ценностей и смыслов человеческого бытия, и она создает основу для стратегических смысловых координат, хотя готовность массового сознания к освоению научного мировоззрения небесспорна.

Анализ переломных эпизодов в истории природы и общества заставляет признать, что прогресс всегда был и остается не «движением от худшего к лучшему», а *выбором меньшего из зол*; это обстоятельство принципиально для оценки текущего исторического этапа. Оптимальные сценарии обозримого будущего (сценарии выживания) сопряжены с радикальными перестройками антропосферы, мало напоминающими идиллии классических прогрессистов. На нынешнем же историческом этапе просматривается фундаментальное противоречие между двумя тенденциями в массовом мироощущении.

С одной стороны, бурное совершенствование и распространение информационных технологий усиливает черты «мозаичного» сознания, которые социологи начали фиксировать уже в 1960-е годы (Моль 1973) и которые в принципе способны вытеснять религиозно-идеологические конструкции. Важную роль в преодолении родовых размежеваний могло бы сыграть развитие новейших техно-

логий человеческого воспроизводства, связанных с генной инженерией и формированием симбиозных носителей разума, – развитие, призванное компенсировать экспоненциальное накопление генетического груза в связи с культурным подавлением естественного отбора. С другой стороны, страх перед новизной реанимирует этнонациональную, религиозную и прочие формы агрессивного фундаментализма, заражающего все новые слои и географические регионы.

От того, как будет развиваться этот глобальный конфликт смыслов, зависит, переживет ли цивилизация Земли XXI век, и если да, то в каком состоянии она встретит следующее столетие...

Литература

Дойч, Д. 2001. *Структура реальности*. М.; Ижевск: НИЦ РХД.

Дэвис, П. 2011. *Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации*. М.: ББИ.

Ефремов, К. 2004. Путешествие по кризисам. *Лицейское и гимназическое образование* 3: 5–6, 68–70.

Каспэ, С. И. 1994. Новый Свет. Опыт социального конструирования. (Иезуиты в Парагвае). В: Филиппов, Б. А., Ястребицкая, А. Л. (отв. ред.), *Средневековая Европа глазами современников и историков*. Ч. IV. М.: Интерпракс, с. 248–275.

Коротаяев, А. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.

Мельянец, В. А. 1996. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М.: МГУ.

Могильнер, М. Б. 1994. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти. *Общественные науки и современность* 5: 56–66.

Молчанова, Е. С., Добряков, И. В. 2008. Идеологический кризис в психиатрии: психопатология как адаптация и как эволюционный регресс. *Историческая психология и социология истории* 1(1): 158–168.

Моль, А. 1973. *Социодинамика культуры*. М.: Прогресс.

Назаретян, А. П.

1986. Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности. *Материалы всесоюзного симпозиума «Актуальные проблемы социальной психологии»*. Ч. I. Кострома.

2005. *Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании*. М.: Академия.

2016. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях. *Вопросы философии* 7: 115–129.

2017. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. М.: Аргмак-Медиа.

О'Коннор, Т. Э. 1993. *Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926*. М.: Наука.

Панов, А. Д. 2005. Сингулярная точка истории. *Общественные науки и современность* 1: 122–137.

Петренко, В. Ф., Митина, О. В. 1997. *Психосемантический анализ динамики общественного сознания*. М.; Смоленск: СГУ.

Рафалюк, О. Е. 2012. «Пляски смерти» рубежа XIX–XX веков: образ смерти в сознании русской культурной элиты. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 38–59.

Савчук, В. В. 2001. Насилие и цивилизация комфорта. В: Бочаров, В. В., Тишков, В. А. (отв. ред.), *Антропология насилия*. СПб.: Наука, с. 476–496.

Троцкий, Л. Д. 2001. *Моя жизнь*. М.: Вагриус.

Урланис, Б. Ц. 1994. *История военных потерь: Войны и народонаселение Европы*. СПб.: Полигон.

Уткин, А. И. 2012. *Рузвельт*. М.: Культурная революция.

Уэллс, Г. 1958. *Россия во мгле*. М.: Госполитиздат.

Федоров, Н. 1982. *Соч.* М.: Мысль.

Феклисов, А. С. 2016. *Признание разведчика*. М.: Аргмак-Медиа.

Фукуяма, Ф. 1990. Конец истории? *Вопросы философии* 3: 84–118.

Харрис, С. 2012. *Конец веры. Религия, террор и будущее разума*. М.: Эксмо.

Хантингтон, С. 1994. Столкновение цивилизаций? *Полис* 1: 33–48.

Энгельс, Ф. 1965. Письмо к Йозефу Блоху. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* Т. 37. М.: Политиздат, с. 393–397.

Энджелл, Н. 2009. *Великое заблуждение: очерк о мнимых выгодах военной мощи наций*. М.: Социум.

Сао Шуцзи. 2001. *Zhongguo Renkou shi: Qing shiqi (A History of the Chinese Population: The Qing Dynasty)*. Vol. 5. Shanghai: Fudan University Press.

Davies, J. 1969. Toward a Theory of Revolution. In Mc Langhtin, B. (ed.), *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective*. N. Y.: Free Press, pp. 85–108.

Diamond, J. 1999. *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. N. Y.; London: W. W. Norton & Company.

Goldstone, J. 2002. Population and Security: How Demographic Change can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 11–12.

Helder, R., Desor, D., Toniolo, A.-M. 1995. Potential Stock Differences in the Social Behavior of Rats in a Situation of Restricted Access to Food. *Behavior Genetics* 25(5): 483–487.

Kurzweil, R. 2005. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. N. Y.: PB.

Mattern, S. 1999. *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate*. Berkeley: University of California Press.

Mirkovic, A. 2015. The Real end of History. *From Big Bang to Global Civilization: A Big History Anthology*. Vol. 1. Delhi: Primus Books, pp. 188–208.

Nazaretyan, A. P. 2003. Power and Wisdom: Toward a History of Social Behavior. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 33(4): 405–425.

Rees, M. 1997. *Before the Beginning. Our Universe and Others*. N. Y.: Helix Books.

Sloterdijk, P. 1983. *Kritik der zynischen Vernunft*. Bnd. 1, 2. Frankfurt am Main: Edition Suhrkamp.

Smolin, L. 2014. *The Singular Universe and the Reality of Time: A Proposal in Natural Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Snooks, G. D. 1996. *The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change*. London; New York: Routledge.

Wang Yumin. 1993. Taiping tianguo geming shiqi ‘renkou sunhao yu yi shuo’ bian zheng (Debating the So-called ‘death toll exceeding one hundred million’ during the Taiping Revolution period). *Xueshu Yuekan* (Academic Monthly) 6: 41–50.